

Сабрина

— Черт. Черт. Черт. Че-е-ерт. Где мои ключи?

Часы в узком коридоре говорят, что у меня есть пятьдесят две минуты, чтобы совершить поездку длительностью шестьдесят восемь минут, если я хочу попасть на вечеринку вовремя.

Я снова проверяю свою сумочку, но ключей там нет. Пробегаюсь по разным местам. Комод? Нет. Ванная? Я только что оттуда. Кухня? Может быть...

Я собираюсь развернуться, когда слышу позади металлическое позвякивание.

— Ты ищешь это?

Я поворачиваюсь и делаю шаг в гостиную, настолько маленькую, что пять предметов потрепанной мебели: два стола, два дивана — один двухместный, другой одноместный — и одно кресло — прижаты друг к другу как сардины в банке. Кусок плоти на диване машет моими ключами. В ответ на мой раздраженный вздох и презрительный взгляд он ухмыляется и запихивает их под прикрывающие задницу треники.

— Иди, возьми их.

Я удрученно провожу рукой по выпрямленным волосам, прежде чем начать атаку на отчима.

— Дай мне мои ключи, — требую я.

Рэй искоса смотрит в ответ.

— Проклятье, ты выглядишь сексуально сегодня. Ты превратилась в настоящую куколку, Рина. Нам с тобой стоит замутить.

Я игнорирую его жирную руку, падающую на промежность. Никогда не видела мужчину, настолько безнадежного, чтобы хвататься за собственное хозяйство. На его фоне Гомер Симпсон кажется джентльменом.

— Мы с тобой не созданы друг для друга. Так что не смотри на меня и *не зови* меня Риной. — Рэй — единственный человек, который называет меня так, и я, мать его, ненавижу это. — А теперь дай мне мои ключи.

— Я же сказал, подойди и возьми.

Стиснув зубы я сую руку под его жирную задницу и пытаюсь нащупать ключи. Этот мерзкий кусок дерьма Рэй хрипит и извивается, пока моя рука не наткнется на металл.

Я вытаскиваю ключи и направляюсь к двери.

— Да что тут такого? — глумится он за спиной. — Мы не родня, так что никаких проблем с инцестом.

Я останавливаюсь, не веря своим ушам, и трачу тридцать секунд своего драгоценного времени, чтобы сказать:

— Ты мой отчим. Женат на моей матери. И... — я подавляю приступ тошноты, — ...и спишь сейчас с бабушкой. Так что дело не в том, родня мы или нет, а в том, что ты — самый мерзкий человек на свете, и ты должен сидеть в тюрьме.

Его карие глаза темнеют.

— Следи за своим языком, девочка, или однажды вернешься домой, а дверь будет заперта.

Плевать.

— Я плачу треть ренты, — напоминаю я ему.

— Ну, может, тебе придется платить больше.

Он снова разворачивается к телевизору, а я трачу еще несколько ценных секунд, представляя, как бью его по голове сумочкой. Оно того стоит.

На кухне бабушка сидит за столом, курит сигарету и читает статьи журнала *People*.

— Ты это видела? — восклицает она. — Ким К. опять голая.

— Какая молодец. — Я хватаю свой пиджак со спинки стула и направляюсь к кухонной двери.

Я обнаружила, что дом безопаснее покидать через заднюю дверь. Обычно на ступенях узких городских домов нашей далеко не богатой улицы в далеко не богатом районе Бостона собирается уличная шпана. Кроме того, за домом располагается парковка.

— Слышала, Рейчел Беркович залетела, — замечает бабушка. — Ей стоило бы сделать аборт, но это противоречит их религии.

Я сильнее сжимаю зубы и поворачиваюсь к своей бабке. Как обычно, она одета в рваный халат и пушистые розовые тапки, но ее крашенные белые волосы идеально уложены, а на лице полный макияж, хотя она редко выходит из дома.

— Она еврейка, бабуль. Не думаю, что это против ее религии, но даже если и так, это ее выбор.

— Наверное, ей нужны дополнительные продовольственные талоны, — делает вывод бабушка, выпуская в мою сторону длинную струю дыма.

Дерьмо. Надеюсь, к тому времени, как доберусь до Гастингса, я не буду пахнуть как пепельница.

— Полагаю, это не та причина, по которой она хочет сохранить ребенка. — Положив одну руку на дверь, я беспокоюсь переминаюсь с ноги на ногу, ожидая паузы, чтобы попрощаться с бабушкой.

— Твоя мать думала сделать аборт, когда была беременна тобой.

Вот оно.

— Ладно, достаточно, — бормочу я. — Я еду в Гастингс. Буду поздно.

Она отрывается от журнала и, прищурившись, окидывает взглядом мою черную вязаную юбку, чер-

ный свитер с короткими рукавами и декольте и трехдюймовые каблукки. Я знаю, что она хочет сказать, еще до того, как бабуля открывает рот.

— Выглядишь вызывающе. Уезжаешь в этот свой модный колледж? У тебя занятия в субботу ночью?

— Это коктейльная вечеринка, — неохотно отвечаю я.

— О, коктейль-шмоктейль. Надеюсь, у тебя губы не треснут целовать там всех в задницу.

— Да, спасибо, бабуль. — Я открываю ключом заднюю дверь и заставляю себя добавить: — Люблю тебя.

— И я тебя, детка.

Она действительно любит меня, но иногда эта любовь такая испорченная, что я не знаю, то ли она мне вредит, то ли помогает.

Мне не удастся доехать до маленького городка Гастингс ни за пятьдесят две, ни за шестьдесят восемь минут. Вместо этого я добираюсь туда полтора часа, потому что дороги просто ужасны. Еще пять минут уходит и на то, чтобы найти место для парковки, и к тому моменту, как я подхожу к дому профессора Гибсон, я натянута как струна... и чувствую себя на пределе.

— Здравствуйте, мистер Гибсон. Прошу прощения за опоздание, — говорю я очкарику в дверях.

Муж профессора Гибсон мягко улыбается мне.

— Не беспокойся об этом, Сабрина. Ужасная погода. Давай я заберу твою куртку. — Он протягивает руку и терпеливо ждет, пока я сражаюсь со своим шерстяным пиджаком.

Профессор Гибсон подходит, когда ее муж вешает мой дешевый пиджак среди дорогих вещей в гардеробе. Он выглядит там так же неуместно, как и я в этом доме. Я запикиваю подальше чувство неполноценности и широко улыбаюсь.

— Сабрина! — радостно восклицает профессор Гибсон. Ее присутствие заставляет меня собраться. —

Рада, что ты добралась в целостности и сохранности. Снег еще не пошел?

— Нет, только дождь.

Она морщится и берет меня за руку.

— Еще хуже. Надеюсь, ты не планируешь возвращаться сегодня в город? На дорогах будет сплошной лед.

Поскольку утром мне нужно на работу, я поеду, невзирая на состояние дорог, но не хочу, чтобы профессор беспокоилась, и ободряюще улыбаюсь.

— Со мной все будет в порядке. Она все еще тут?

Профессор кладет руку мне на плечо.

— Да, и ей не терпится познакомиться с тобой.

Замечательно. Впервые с тех пор, как вошла в дом, я вдыхаю полной грудью и позволяю провести себя через комнату к невысокой седой женщине, в свободного кроя пастельном пиджаке и черных брюках. Наряд так себе, но бриллианты, сверкающие в ее ушах, больше, чем мой палец. Что еще? Она кажется чересчур добродушной для профессора права. Я всегда представляла их суровыми, строгими созданиями. Вроде меня.

— Амалия, позволь мне представить тебе Сабрину Джеймс. Это студентка, о которой я тебе говорила. Первая в классе, работает на двух работах и при этом смогла получить семьдесят семь баллов на вступительных экзаменах в юридической школе. — Профессор Гибсон поворачивается ко мне: — Сабрина, Амалия Фромм, выдающийся знаток конституции.

— Очень приятно познакомиться! — Я протягиваю руку и молю Бога, чтобы она не оказалась влажной на ощупь. Готовясь к этому, я целый час практиковалась пожимать собственную руку.

Амалия слегка сжимает руку, а затем отступает.

— Мать — итальянка, дед — еврей, отсюда и странное сочетание имен. Джеймс — шотландское имя, ваша семья оттуда? — Она окидывает меня взглядом

светлых глаз, и я едва удерживаюсь от того, чтобы не начать теревить свою старую дешевую одежду.

— Не могу сказать, мэм. — Семья моя родом из сточной канавы. Шотландия — слишком приятная и величественная страна, чтобы быть нашей родиной.

Она взмахивает рукой.

— Это неважно. На досуге я балуюсь генеалогией. Итак, ты уже подала документы в Гарвард? Келли сказала, что да.

Келли? Кто такая Келли?

— Она говорит обо мне, дорогая, — говорит профессор Гибсон с мягким смехом.

Мои щеки заливают краска.

— Да, прошу прощения. Я думаю о вас как о профессоре.

— Так официально, Келли! — осуждающе восклицает профессор Фромм. — Сабрина, куда еще ты подала документы?

— Колледж Бостона, Суффолк и Йель, но Гарвард — моя мечта.

Амалия удивленно поднимает бровь в ответ на мой запасной список из трех бостонских школ.

Профессор Гибсон встает на мою защиту.

— Она хочет оставаться ближе к дому. И очевидно, она стоит чего-то большего, чем Йель.

Обе женщины презрительно фыркают. Профессор Гибсон была выпускницей Гарварда, а выпускники Гарварда, безусловно, всегда настроены против Йеля.

— Судя по тому, что рассказала Келли, похоже, что для Гарварда станет честью принять тебя.

— Для меня будет честью стать студенткой Гарварда, мэм.

— Письма о приеме скоро будут отправлены. — Ее глаза сверкают озорным блеском. — Я обязательно замолвлю словечко.

Амалия награждает меня еще одной улыбкой, и я чуть не падаю в обморок от счастливого облегче-

ния. Я не пыталась польстить ей. Гарвард и правда был моей мечтой.

— Спасибо, — наконец хриплю я.

Профессор Гибсон направляет меня к столу.

— Почему бы тебе не поесть чего-нибудь? Амалия, хочу поговорить с тобой о документе Брауна. У тебя была возможность просмотреть его?

Обе отворачиваются, погружаясь в диалог о взаимосвязи между черным феминизмом и расовой теорией — тема, в которой профессор Гибсон является экспертом.

Я бреду к столику с закусками, накрытому белой скатертью и заставленному сыром, крекерами и фруктами. Две мои лучшие подруги: Хоуп Мэтьюс и Карин Томпсон — уже стоят там. Одна темненькая, другая светленькая, они — самые красивые и умные ангелы в мире.

Я подхожу и едва не падаю в их руки.

— Ну? Как все прошло? — нетерпеливо спрашивает Хоуп.

— Думаю, хорошо. Она сказала, что, похоже, для Гарварда будет честью принять меня и что первая часть извещений о приеме скоро начнет приходить.

Я хватаю тарелку и начинаю наполнять ее, желая, чтобы куски сыра были побольше. Я так голодна, что смогла бы съесть целую головку сыра. Весь день нервничала из-за этой встречи и теперь хотела просто упасть лицом в тарелки с едой.

— О, ты создана для Гарварда, — заявляет Карин.

Мы все трое находимся под патронажем профессора Гибсон, которая верит исключительно в поддержку молодых женщин. В кампусе есть еще несколько сетевых организаций, но все ее влияние направлено лишь на продвижение девушек, и я более чем благодарна за это.

Сегодняшняя коктейльная вечеринка организована для ее студентов, чтобы они могли познакомиться с преподавателями самых престижных факультетов

страны. Хоуп хочет заполучить место на медицинском факультете Гарварда, а Карин отправится в Массачусетский технологический.

Ох уж это море эстрогена в доме профессора Гибсон. Кроме ее мужа присутствует лишь пара мужчин. Я действительно буду скучать по этому месту после выпуска. Это был мой второй дом.

— Скрестим пальцы, — отвечаю я Карин. — Если не попаду в Гарвард, тогда будет Бостонский колледж или Суффолк. — Тоже неплохо, но Гарвард практически гарантирует мне работу мечты после выпуска в одной из ведущих юридических фирм страны, или, как у нас говорят, в Большой Юриспруденции.

— Ты поступишь, — уверенно говорит Хоуп. — И, надеюсь, как только получишь письмо о приеме, ты прекратишь убивать себя, потому что... Боже, Би, ты выглядишь напряженной!

Я с трудом поворачиваю голову, разминая шею. Да, я действительно напряжена.

— Знаю. В последнее время у меня жесткий график. Сегодня, например, легла спать в два ночи, потому что девушка, которая должна была закрывать «Ковбойские сапоги», сбежала и оставила меня одну, а потом пришлось встать в четыре, чтобы разобрать почту. Я добралась домой около полудня, отключилась и чуть не проспала.

— Все еще работаешь в двух местах? — Карин убирает с лица свои рыжие волосы. — Ты говорила, что бросишь подработку официанткой.

— Пока не могу. Профессор Гибсон говорит, что в юридической школе не хотят, чтобы мы работали в первый год обучения. Единственный способ иметь достаточно денег на еду и жилье — накопить до сентября.

Карин сочувственно вздыхает.

— Я тебя понимаю. Мои родители взяли такой большой кредит, что на него можно было бы купить небольшую страну.

— Хотела бы я, чтобы ты поселилась с нами, — жалобно добавляет Хоуп.

— Неужели? Вот уж не знала, — шучу я. — С начала семестра ты повторяешь это всего лишь дважды в день.

Она в ответ морщит свой хорошенький носик.

— Тебе бы *так понравилось* то место, что папа для нас снял! Там окна от пола до потолка, и это прямо у ветки метро. А общественный транспорт... — она загадочно двигает бровями.

— Это очень дорого, Эйч.

— Ты же знаешь, я бы покрыла разницу... Точнее, мои родители, — поправляется она. У семьи этой девушки денег больше, чем у какого-нибудь нефтяного магната, но, глядя на нее, этого не скажешь. Она такая же практичная, как и мы.

— Знаю, — говорю я, заглатывая куски мини-сосисок. — Но я буду чувствовать вину, потом вина может перерасти в обиду, и затем мы перестанем быть подругами, а перестать быть твоей подругой — это отстой.

Она качает в ответ головой.

— Если когда-нибудь твоя упрямая гордость позволит тебе попросить о помощи, я буду тут.

— Мы будем тут, — вклинивается Карин.

— Видите? — Я указываю вилкой то на одну, то на другую. — Вот почему я не могу жить с вами, девочки. Вы непомерно много для меня значите. Кроме того, это мне на руку. У меня сбережений почти на десять месяцев до начала занятий следующей осенью. У меня есть эти деньги.

— Хотя бы приди выпить с нами, когда все это кончится, — умоляет Карин.

— Мне еще домой ехать, — я скроила кислую мину. — Я заступаю в смену завтра и сортирую посылки.

— В воскресенье? — с удивлением спрашивает Хоуп.

— Оплата в полтора раза выше. Я не смогла отказаться. На самом деле я скоро должна буду уехать. — Я ставлю тарелку на стол и пытаюсь взглядом окинуть происходящее за большим эркерным окном. Я вижу лишь тьму и росчерки дождя по стеклу. — Чем скорее я поеду, тем лучше.

— Только не по этой погоде. — Профессор Гибсон появляется у моего локтя с бокалом вина. — Сообщили о гололеде: температура падает, и дождь превращается в лед.

Один взгляд на лицо моего куратора, и я понимаю, что должна отступить. Что я и делаю, но с большой неохотой.

— Хорошо, — говорю я, — но я выражаю протест. И вам... — я указываю вилкой на Карин, — лучше приберечь мороженое в морозилке на тот случай, если мне придется остаться с вами, а то я точно разозлюсь.

Мы смеемся. Профессор Гибсон идет дальше, оставляя нас одних как троицу лучших старшекурсников. Через час общения мы с Хоуп и Карин хватаем наши пальто.

— Куда идем? — спрашиваю я девчонок.

— Д'Андре в «Мэлоуне», и я обещала встретиться с ним там, — отвечает Хоуп. — Ехать всего две минуты, так что все будет в порядке.

— в «Мэлоуне»? Но это же бар для хоккеистов, — хнычу я. — Что Д'Андре делает там?

— Пьет и ждет меня. Кроме того, тебе нужно с кем-то переспать, а спортивный — твой любимый типаж. Карин фыркает.

— Скорее, единственный.

— Эй, — возражаю я, — у меня есть очень веские причины, чтобы предпочитать спортсменов.

— Знаю. Мы это слышали. — Она закатывает глаза. Если хочешь получить ответ на статистический вопрос, обращайся к ботаникам. А если желаешь удовлетворить физические потребности, иди к спортсме-

нам. Тело — инструмент профессиональных атлетов. Они заботятся о нем и знают, как добиться совершенства, бла-бла-бла. — Левой рукой Карин изображает болтливый рот.

Я показываю ей средний палец.

— Но заниматься с тем, кто тебе нравится, намного приятнее, — говорит Хоуп, которая встречается с Д'Андре, своим парнем-футболистом, с младших классов.

— Мне они нравятся, — возражаю я, — час или около того, пока я их пользую.

Мы хихикаем над этим, но затем Карин вспоминает парня, который понизил планку.

— А ты помнишь Грэга «Десять секунд»?

Ее слова заставляют меня поежиться.

— Во-первых, большое спасибо, что напомнила мне об этом ужасе, во-вторых, я не говорю, что среди них нет «бракованных». Просто с атлетами шансы выше.

— А хоккеисты тебе подходят? — спрашивает Карин.

Я пожимаю плечами.

— Не могу знать. Я не вычеркнула их из списка потенциальных партнеров не из-за успехов в постели, а потому что они сверхпривилегированные засранцы, получающие снисхождение от профессионалов.

— Сабрина, детка, ты должна дать им шанс, — настаивает Хоуп.

— Не-а. С хоккеистами я не играю.

— Боже, посмотри, что ты упускаешь. — Карин развратно проводит языком по губам. — А парень с бородой? Я хочу знать, на что это похоже. Борода — в списке моих невыполненных желаний.

— Ну так дерзай. Мой бойкот хоккеистов оставляет тебе больше шансов.

— Вполне согласна, но... — Она ухмыляется. — Нужно ли мне напоминать, что ты переспала с той шлюхой Дином Лаурентисом?

Фу. Вот об этом мне *никогда* не стоит напоминать.

— Во-первых, я была пьяная вдрызг, — ворчу я. — Во-вторых, это было на втором курсе. И, в-третьих, именно поэтому я поклялась держаться подальше от хоккеистов.

Хотя в колледже Брайара и есть лидирующая футбольная команда, он известен прежде всего благодаря хоккеистам. Парни на коньках тут возведены в ранг богов. Обсуждаемый субъект: Дин Хейвард Ди Лаурентис. Он учится на политологическом, как и я, у нас было несколько общих курсов, в том числе по статистике на втором году обучения. Этот курс был чертовски сложен. Все очень старались.

Все, кроме Дина, который спал с ассистенткой преподавателя.

И она поставила засранцу «отлично», чего он совершенно *не* заслужил. Я знаю это наверняка, потому что последнее задание мы выполняли в паре, и я видела, какую чушь он написал.

Когда я узнала, что он сдал на «пять», мне захотелось отрубить ему член. Это было так несправедливо. Я пахала как лошадь весь курс. Проклятье, да я везде пашу как лошадь! Все мои достижения заработаны кровью, потом и слезами, в то время как какая-то задница имеет все на блюдечке. Да пошел он!

— Она снова злится, — Хоуп театрально шепчет Карин.

— Она думает о том, как Ди Лаурентис получил «отлично» на том курсе, — так же громко твердит Карин в ответ. — Ей правда нужно с кем-то переспать. Когда был последний раз?

Я уже собираюсь снова заткнуть ее, как вдруг понимаю, что не могу вспомнить.

— Ну... был Мейер, игрок в хоккеей на траве. Это было в сентябре. И после был Бо... — Я засияла. — Ха! Видите? Всего лишь чуть больше месяца назад. Едва ли это глобальная катастрофа.

— Детка, с твоим расписанием недопустимо *месяц* жить без секса, — возражает Хоуп. — Ты — ходячий комок нервов, а это значит, что тебе нужен хороший трах по меньшей мере... каждый день, — заключает она.

— Через день, — возражает Карин. — Дайте киске отдохнуть.

Хоуп кивает.

— Хорошо. Но сегодня — никакого отдыха киске!

Я фыркаю от смеха.

— Слышала, Би? Тебя покормили, ты выпалась днем, а теперь тебе нужно немного секса, — заявляет Карин.

— Но... «Мэлоун», — осторожно повторяю я. — Мы только что установили, что это место кишит хоккеистами.

— Не только. Готова спорить, Бо там. Хочешь, спрошу у Д'Андре? — Хоуп поднимает телефон, но я качаю головой.

— Бо займет слишком много времени. Захочет, например, поговорить во время секса. А я хочу сделать дело и уйти.

— Разговоры? Это звучит пугающе.

— Прекрати.

— Заставь меня, — Хоуп встряхивает головой, задевая меня длинными косами, а затем выходит из дома профессора Гибсон.

Карин пожимает плечами и следует за ней, после секундного замешательства я иду следом. К тому моменту как мы подходим к машине Хоуп, наши пальто мокрые насквозь, но мы идем, накинув капюшоны, чтобы ливень не добрался до волос.

Я действительно не в настроении общаться с парнями сегодня, но не могу отрицать, что подруги правы. Недели мучений и напряженной работы дают о себе знать: несколько последних дней я определенно чувствовала... зуд. Тот зуд, унять который можно

лишь крепким, рельефным телом и, желательно, членом размером больше среднего.

Хотя я очень избирательна в связях, а «Мэлоун» заполнен хоккеистами, чем подтвердил мои опасения, уже через пять минут мы с девчонками входим внутрь.

Что ж, если расклад на сегодня такой, полагаю, будет нестрашно сыграть с тем, что на руках, и посмотреть, как будут развиваться события.

Хотя у меня не было никаких ожиданий, когда я шла за подругами к барной стойке.